

Вот уже пять лет российское общество отмечает вековые юбилеи: Первой мировой войны 1914–1918 гг., Февральской и Октябрьской революций 1917 г., Гражданской войны 1918–1922 гг. Выходят в свет статьи и книги – хорошие и разные; проводятся конференции – научные и просветительские; звучат в теле- и радиопередачах суждения, мнения и версии... В информационном шуме порой нелегко расслышать голос архивиста, скрытый за строками сборников исторических документов. Оно и понятно: архивные свидетельства не каждый прочтет и далеко не каждый осмыслит. А к тому же что привлекательнее для читателя: скудные строчки с сухими цифрами – или парадные реляции с постановочными фотографиями, на которых и «грудь колесом», и «штандарт скачет»? В итоге, как однажды заметил французский историк Марк Блок, «...история, слишком часто отдавая предпочтение наградному списку перед лабораторной тетрадью, приобрела облик самой неточной из всех наук – бездоказательные обвинения мгновенно сменяются бессмысленными реабилитациями».

Этот очерк – слово архивиста о событиях столетней давности. Предлагаемые здесь наблюдения сформировались в период подготовки

сборников документов по истории Нижегородской губернии*, потребовавших изучения трудов предшественников и многочисленных историко-документальных публикаций о судьбоносных событиях начала XX века.

А можно ли вообще правдиво рассказать о прошедшем времени – о том, «как все было на самом деле»? И не солжет ли история, «как всегда»? Видимо, учитывая такие сомнения, руководитель Федерального архивного агентства А.Н. Артизов подчеркнул, выступая на Международной научной конференции «Великая российская революция 1917 года: сто лет изучения»: «Мы, российские историки-архивисты, прекрасно знаем, что достоверное прошлое существует, поскольку существуют подлинные исторические источники, которые отражают реальные исторические факты. Надо только уметь работать с этими источниками».

В этом коротком, но очень емком высказывании сформулирована методологическая основа нашей работы: во-первых, существует прошлое как объективная реальность; во-вторых, существует возможность его достоверного отображения и изучения; в-третьих, основой достоверного, объективного изучения прошлого должны стать исторические источники. Здесь же есть и методическое указание: привлекаемые к изучению источники должны проходить предварительную проверку на подлинность и достоверность, дабы убедиться, что они действительно отражают реальные исторические факты, события далекого прошлого. Полноценную критику источников (в нашем случае – документальных) в состоянии обеспечить специалисты, профессионально владеющие знаниями и навыками в области дисциплин историко-архивного профиля. И тогда неискушенный читатель сможет безбоязненно пройти за архивистом весь «тернистый путь познания», а усомнившимся предстоит либо доказать поддельность и недостоверность архивных источников, либо ввести в научный оборот неизвестные ранее комплексы документов, свидетельствующие об ином. При этом, разумеется, «усомнившийся» обязан обладать теми же знаниями и навыками, что и архивист-профессионал.

* * *

Выражение «забытая война» применительно к Первой мировой архивисты употребляют только в кавычках. Эта война на самом деле не была забыта, и в России ее активно изучали. Именно поэтому архивисты Нижегородской области еще в начале 2014 г. разместили на своем сайте перечень важнейших работ по истории Первой мировой войны. Отечественных исследователей закономерно привлекали две большие темы: собственно военная история и влияние войны на революционный процесс и последующую Гражданскую войну в России. Соотношение этих двух тем в разные периоды было неодинаковым: боевой опыт Первой мировой был актуален в 1920–1930-е гг. и фактически доминировал до Второй мировой войны, а впоследствии заметно возрос удельный вес работ по социально-политической истории 1914–1918 гг.

* «По обстоятельствам военного времени...» (Нижегородская губерния в 1914–начале 1918 гг.): сборник документов : в 2 ч. / сост. Е.Э. Ешан. Нижний Новгород, 2018. В настоящее время ведется работа над сборником документов «Нижегородская губерния в период Гражданской войны» (название рабочее).

Тем не менее обобщающие труды по истории Первой мировой войны выходили в нашей стране до 1970-х гг. включительно. Достаточно серьезно велось преподавание и в средних школах: боевые действия на Западном и Восточном фронтах подробно излагались в двух учебниках для 9-х классов («Новая история зарубежных стран» и «История СССР» соответственно); здесь же для интересующихся приводился внушительный список рекомендованных книг по теме. Советским школьникам достаточно подробно (с картами) сообщалось о всех главных сражениях Первой мировой: о Восточно-Прусской операции, Брусиловском прорыве, битвах на Марне и Сомме, Ютландском морском сражении. Специализированные факультеты и вузы (в первую очередь Московский государственный историко-архивный институт) давали хорошую профессиональную подготовку для работы с источниками и научного исследования избранной темы. А читающая публика не замедлит вспомнить обилие художественной литературы, вышедшей к тому же большими тиражами, с регулярными переизданиями. Всегда приятно вспоминать классику: соответствующие разделы «Тихого Дона» М.А. Шолохова и «Хождения по мукам» А.Н. Толстого, роман А.Н. Степанова «Семья Звонаревых» и эпический цикл С.Н. Сергеева-Ценского «Преображение России». В круг чтения моего современника входили «Похождения бравого солдата Швейка» Я. Гашека, «На Западном фронте без перемен» Э.-М. Ремарка, «Смерть героя» Р. Олдингтона, «Прощай, оружие!» Э. Хемингуэя, «Огонь» А. Барбюса... И эти книги, честное слово, можно было найти в любой приличной библиотеке, и их действительно читали! А сколько просмотров собрали серии фильма «Хождение по мукам» (с Ю. Соломиным и М. Ножкиным в главных ролях)! А сколько людей увидели торжественно открытый в 1987 г. памятник великому авиатору П.Н. Нестерову, совершившему воздушный таран в начале Первой мировой! И это – «забытая война»? Не смешите!

Другой разговор, что тяжелейшие потери, понесенные нашей страной в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., та боль от утрат, которую переживала каждая советская семья, и гордость за победный май сорок пятого заслонили собой непосредственное восприятие первой войны, закономерно отодвинули ее в прошлое. Военные стали изучать опыт других сражений, в городах и селах появились памятники советским воинам-освободителям, о них выпускались книги и снимались фильмы, и не было в этом никакого злого умысла или «идеологической установки», целенаправленного вытеснения из исторического сознания народа событий 1914–1918 гг.

В общем, слово «забытая» применительно к Первой мировой войне уместно лишь с начала 1990-х гг. – как, впрочем, и для многих других исторических тем и сюжетов, и связано это с общим кризисом образования в постсоветской России.

Столетний юбилей мировой войны стал для архивистов хорошим поводом для поиска и ввода в научный оборот новых источников. Здесь интерес представляет подготовленный по фондам Российского государственного военно-исторического архива интернет-проект «Георгиевские кавалеры Великой войны». На наш взгляд, важнейшее значение имеет коллекция «Германские документы Первой мировой войны». По оценке специалистов, документы воинских частей и соединений Германии (в основном полкового и дивизионного звена) наглядно показывают их хорошую подготовку в плане и вооружения, и профессионализма

личного состава – от солдата до генерала. Немцы воевали «не числом, а умением», и поэтому русская армия, в целом успешно действовавшая против войск Австро-Венгрии и Турции, не могла противостоять германским войскам. (Собственно, и французской армии с ее английскими союзниками удавалось удерживать фронт в основном благодаря отвлечению немцев русскими наступлениями.) Судя по сохранившимся документам, Германия утратила боеспособность лишь осенью 1918 г., так что военное поражение России и неизбежность заключения грабительского мира в начале 1918 г. не должны вызывать удивления. Россия потерпела поражение не от «побежденной», а как раз от победоносной в тот период Германии, и не революция стала причиной этого поражения. Наоборот: поражение обострило системный кризис в России (вновь проявившийся, кстати, накануне войны: в Питере дело дошло тогда до баррикад), обусловило развал армии, голодные бунты в тылу, восстания на окраинах, а затем неизбежно и революционную ситуацию 1917 г.

Анализ источников дает возможность ответить на «вопрос вопросов» о характере Первой мировой войны, в том числе для России. Как известно, в советской историографии ее называли «империалистической», и сегодня это вызывает возражения, хотя они едва ли обоснованы: война 1914–1918 гг. действительно была войной империй – Российской, Германской, Австро-Венгерской, Британской, Османской; даже республиканская Франция была в конечном счете колониальной империей.

Сложнее с понятием «захватническая война»: ныне в публицистике, следуя традиции 1914–1916 гг., принято именовать эту войну для России «Второй Отечественной», со ссылками на подвиги русских войск. Между тем о характере войны никогда не судят по героической штыковой атаке стрелковой роты N-ского полка у населенного пункта N: на любой, даже самой великой войне встречаются проявления героизма и трусости, подлости и благородства, самоотвержения и шкурничества. Характер войны определяют цели и задачи воюющих сторон («главных игроков»), полнее всего отраженные во внешнеполитических документах. К настоящему времени в результате двух мировых войн практически полностью доступны архивные комплексы внешнеполитических ведомств России, Германии, Австрии, Турции, Франции, Японии, а также США и в большой степени Великобритании. Как известно, хронологически первыми были введены в оборот документы МИД Российской империи, и публикация секретных договоров царского правительства, осуществленная по решению II съезда Советов комиссаром Н.Г. Маркиным, убедительно показала захватнический характер мировой войны. Впоследствии многотомные издания архивов дипломатических ведомств воевавших государств полностью подтвердили этот вывод и для Антанты, и для Германии и ее союзников: Первая мировая война действительно велась ее участниками ради захвата и раздела чужих территорий*.

Строго говоря, в советской историографии по понятным причинам принято было делать исключение для Бельгии и Сербии. К сожалению, важнейший источник – документы МИД Сербии – утрачен самими

* Осознание этого факта в странах Запада привело к возникновению так называемого «потерянного поколения», представителями которого были многие видные писатели.

сербами при невыясненных обстоятельствах (крушение судна на Дунае в 1918 г., сразу после окончания войны). Однако сохранившиеся источники и основанные на них исследования (от классической книги Н.П. Полетики 1930 г. до новейших работ Я.В. Вишнякова) свидетельствуют о несомненном преобладании в сербском обществе агрессивных устремлений: сербы очень любили свою землю, но сплошь и рядом это оказывалась земля их соседей, которым вовсе не улыбалось становиться «сербам второго сорта», «унтерменшами» в «Великой Сербии». Именно это обстоятельство привело к четническому движению «македонцев» (болгар – кстати, тоже славян и вполне себе православных) в тылу сербских войск, а впоследствии во многом предопределило трагедию Югославии. Что же касается Бельгии, действительно подвергшейся германской агрессии в 1914 г., то следует помнить, что это маленькое королевство, владея огромным Конго в Африке и уничтожая в чудовищных масштабах местное коренное население, не отличалось от той же Германии ни своими колониальными устремлениями, ни жестокостью действий. Таким образом, даже маргинальные примеры Бельгии и Сербии не дают оснований для пересмотра общего вывода о захватническом, несправедливом характере Первой мировой войны.

Но это еще не все. Для суждений о причинах участия России в Первой мировой войне принципиальное значение имеет еще один архивный комплекс – документы Министерства финансов Российской империи. Изучение этих документов, начавшееся вскоре после революции, имело своим результатом классические труды Б.А. Романова и его ученика Б.В. Ананьича, показавшие прямую зависимость внешней политики России от кредитов, полученных царским правительством в начале XX в. преимущественно от Франции. Исследования убедительно показали, что займы большей частью были потрачены впустую: на сомнительные авантюры в Маньчжурии, на борьбу против революционного движения и поддержку «черной сотни», на содержание разросшейся императорской фамилии, на помощь привилегированному сословию – дворянству, да и попросту разворованы. Но именно опираясь на займы и связанные с ними финансовые обязательства, Франция и Англия заставили Россию «платить по счету» и погнать миллионы своих подданных на убой. Получается парадоксальная ситуация: это не Ленин и большевики были платными агентами германского империализма (что не доказано никогда, нигде и никем) – напротив, это царское правительство оказалось в роли платных агентов англо-французских империалистов, что надежно засвидетельствовано подлинными и достоверными документами!

Доступные ныне архивы внешнеполитических ведомств позволяют также убедительно опровергнуть версию о якобы утраченных Россией геополитических возможностях из-за «преждевременного выхода» из войны. (Утверждается, в частности, что не заключи большевики Брестский мир с Германией, Россия получила бы Константинополь и проливы.) Между тем документы британского Форин-офис наглядно показывают, как Англия при разделе Османской империи использовала ослабление своей же союзницы Франции в ходе боевых действий, чтобы за ее счет увеличить свою долю. Нетрудно представить себе, что получила бы от Англии и Франции Россия, с ее колоссальными потерями уже к началу 1917 г. и неизбежной утратой обороноспособности в случае «войны до победного конца». Любопытно, что это понимал и российский Генеральный штаб, всерьез допуская возможность

ведения «войны после войны» против вчерашних союзников. В итоге вместо обещанного Константинополя и проливов последовал бы раздел самой Российской империи, обескровленной в ходе боевых действий до последней степени: отторжение Польши и Финляндии, интервенция на Кавказ, в Среднюю Азию, Прибалтику, на Украину, в Поморье и Приморье и «далее везде» – словом, знакомый сценарий 1918–1919 гг., только в другой словесной оболочке*. В такой ситуации «война до победного конца» в 1917–1918 гг. означала бы для России многократное увеличение числа жертв – и только.

Таким образом, источниковедческий аспект изучения Первой мировой войны заставляет усомниться в правомерности ее «патриотической» концепции. В самом деле, можно ли считать «обороной Отечества» документально оформленное стремление к захвату чужих земель, а «патриотизмом» – отправку на гибель миллионов соотечественников ради того, чтобы англо-французские империалисты округляли свои колонии?..

* * *

О революционных событиях 1917 г. в современном российском обществе высказываются самые разные суждения. Например, всерьез утверждается, что это был «переворот, организованный извне», причем в отношении «организаторов» возможны варианты: раньше называли Германию, сейчас все чаще Англию. Вместо научных доказательств – глубокомысленные рассуждения в стиле «а почему бы и нет», не имеющие к науке ни малейшего отношения, как, впрочем, и сами авторы этих версий.

Некоторые титулованные историки (из старых-бывших советских или новых антисоветских) предпочитают рассуждать о «заговоре элит»: звучит солидно и к тому же туманно, что позволяет делать умный вид и отмахиваться от недоуменных вопросов. А вопросы-то появляются, и не зря! Ведь если «элита» – часть общества, принимающая политические решения, то термин перестает работать. Судите сами: решение волостного крестьянского схода о дележе помещичьей земли – это решение политическое или всего лишь хозяйственное? Явно политическое! А решение фабрично-заводского комитета об установлении рабочего контроля над предприятием – это решение политическое или хозяйственное? Да конечно же, политическое, ведущее к изменению государственного строя! Но тогда получается, что у нас чуть ли не все население Российской империи – «элита»...

Не выдерживает научной критики версия о значительной (или даже ключевой) роли масонов в революционном процессе. Дело в том, что абсолютно недостоверен по сути единственный источник этой версии – «исследование» Н.Н. Берберовой, околбогемной особы, пытавшейся заниматься литературным трудом, но потерпевшей «крушение на житейском океане». Такому источнику верить – себя не уважать,

* См.: Сергеев Е.Ю. Русский Октябрь 1917 года в общественном мнении Великобритании // Новая и новейшая история. 2017. № 5. С. 3–17. На с. 14 автор приводит характерный фрагмент дневниковой записи виконта Берти, посла Великобритании во Франции: «Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, то есть Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., сколько бы их ни удалось создать, то, по мне, остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку». Комментарии излишни.

ибо утверждения Берберовой о принадлежности к масонству многих политических деятелей начала XX в. голословны и не подкреплены документальными свидетельствами. Более респектабельно выглядит работа профессионального историка В.И. Старцева, пытавшегося доказать, что существовали-де «политические масоны», отринувшие ритуалы, но стремившиеся вершить судьбы мира. Однако на публикацию Старцева тогда же последовала резкая критическая отповедь А.Я. Авреха, опиравшегося на большой комплекс подлинных и достоверных архивных документов*. Не в силах преодолеть критику, сторонники масонской версии предпочитают умалчивать о монографии А.Я. Авреха и вновь, вслед за Берберовой, повторяют измышления о людях и ложах. Между тем в архивных документах начала XX в. (и кануна 1917 г.) не прослеживается ни существование в России разветвленной сети масонских лож, ни участие российских политических деятелей или видных представителей либеральных кругов того времени в каких-либо масонских обрядах. Неслучайно при подготовке сборника документов «По обстоятельствам военного времени... (Нижегородская губерния в 1914 – начале 1918 гг.)» не удалось найти никакого «масонского следа» – и это при весьма профессионально поставленном политическом сыске! Полтора десятка не вполне адекватных и никому не известных личностей, упоминания о масонстве которых удалось выявить в документах педантичному А.Я. Авреху, никогда не были ни творцами, ни даже участниками революционного процесса.

В общем, и в шутку, и всерьез: готов поверить во все что угодно, но только после того, как это будет доказано современными методами исторической науки. А истина в исторической науке добывается в пыли архивохранилища и в грязи археологического раскопа, – но отнюдь не суетумудрием в уютных кабинетах.

Разбор популярных ныне версий вновь подтверждает ключевую роль документального источниковедения, подразумевающего критику источника с целью определения его подлинности и достоверности. Применительно к документам по истории революции 1917 г. в Нижегородской губернии источниковедческие проблемы на первый взгляд не могут возникнуть, если речь идет о хорошо разработанном и отлаженном управленческом делопроизводстве. Примером могут служить протоколы заседаний Нижегородской городской думы, составленные опытными стенографистками, заверенные подписями участников заседаний, прошитые и скрепленные сургучной печатью. Как правило, не возникает сомнений в подлинности и достоверности источника при работе с управленческой документацией, например, промышленных предприятий. Но уже с документами полиции и жандармерии, безусловно подлинными, порой возникают сомнения в правильности и объективности изложения фактов, так как информация зачастую опиралась на слухи, донесения агентов разной степени осведомленности и т. п. Попадают и откровенные ошибки, например в определении партийной принадлежности тех или иных лиц.

* См.: Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Нью-Йорк, 1986; Старцев В.И. Русское политическое масонство. 1906–1918 гг. // История СССР. 1989. № 6; 1990. № 1; Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990. Есть еще книжка Н.Н. Яковлева «1 августа 1914», выдержавшая три издания (с 1974 г.), но это за пределами не только науки, но и здравого смысла, и неслучайно ее стараются не упоминать даже самые ярые сторонники «масонской версии».

Еще сложнее определить степень достоверности документов из фондов органов административного управления губернией. Так, в «Отчетах по Нижегородской губернии» за предреволюционные годы заметны следы правки на разных этапах подготовки документа. Причина – личная заинтересованность, а порой и самоцензура составителей отчетов, стремившихся показать не то, что реально происходило в губернии, а то, что, по их мнению, хотело бы получить начальство в столице.

Вот как выглядело движение информации по инстанциям в условиях военного времени 1916 – начала 1917 г. Ежемесячно из всех уездов в канцелярию губернатора направлялись рапорты уездных исправников о внутреннем положении. При этом исправники (администраторы низшего звена) доносили о реальной обстановке: о бедственном положении населения, о назревании революционного взрыва (с параллелями из 1905 г.) и т. д. Рапорты попадали – нет, не к губернатору, а к маленькому чиновничку из его канцелярии, который тут же вспоминал, что у него вообще-то семья и дети, пить-есть просят, и что за точное по смыслу обобщение рапортов из уездов о близящемся революционном взрыве его могут просто погнать со службы, и что тогда? И вот чиновничек убирает все «резкости», пытаясь кое-как все же по возможности сохранить объективность общей картины, и после ряда согласований отчет попадает на подпись губернатору. Губернатор А.Ф. Гирс, человек, в общем-то, достойный и порядочный, тем не менее тут же вспоминает, что у него тоже семья, две юные дочери-бесприданницы, а доходов, кроме жалованья, нет, – и начинается новый этап правки текста, с «закруглением периодов» и сведениями о всего лишь «волнениях», хотя и массовых. Далее отчет шлют в Министерство внутренних дел, где вместе с аналогичными отчетами из других губерний он попадает хоть и к столичному, но тоже не слишком значительному чиновнику, обязанному сделать сводный отчет. Сей чиновник тут же начинает соображать, что душа то ли есть, то ли нет – кто ж ее видел, а тело-то вот оно, родное-грешное, пить-есть просит. И начинает черкать пером так, что любо-дорого, а в итоге после опять-таки нескольких согласований (притом что уже к осени 1916 г. многие столичные чиновники не затрудняли себя хождением на службу) в папку министра кладут «экстракт», из которого следует, что, кроме нескольких малозначащих событий бытового характера, в губерниях ничего не происходит. С этим «экстрактом» министр внутренних дел А.Д. Протопопов (яркий представитель «фан-клуба» Гришки Распутина) мчится на доклад к обожаемой государыне, а что он ей там поет (на тему «А в остальном, прекрасная маркиза...»), нетрудно догадаться. Хорошо известны письма «Аликс – Никки», с уверениями во всенародной любви к монарху, – чуть ли не за месяц до революции! Похоже, они и сами верили в это... Трудно сказать, во что верит нынешний историк, подчас весьма титулованный, который берет за основу сводные отчеты МВД и убеждено твердит, как тихо и спокойно было в России во второй половине 1916 – начале 1917 гг.: «Ну никаких решительно предпосылок для революции!» (с подтекстом: «Не иначе как заговор...»). А потом архивисты читают эти высокоученые рассуждения и про себя думают: «Назвать бы словом подходящим, так ведь обидится...» А если серьезно, свидетельства управленческих документов требуют системного и многоаспектного анализа, доступного лишь профессионалам, ибо «рукописи не говорят, если не научиться их понимать».

Еще более нуждаются в критическом отношении другие виды источников: публицистика революционной эпохи намеренно тенденциозна;

мемуары нередко писались по принципу «Все, что было не со мной, помню» (если автор причисляет себя к победителям) либо «Виноват не я, а все прочие» (если автор – из потерпевших поражение). Поэтому, кстати, неудивительно, что сторонники версий о субъективных причинах революции опираются преимущественно на документы личного происхождения или на непроверенные парадные реляции высших органов власти, тогда как их оппоненты последовательно вводят в научный оборот управленческую документацию (столичного и регионального уровней), добиваясь большей весомости своих выводов.

В этой связи интересны практические примеры. Прежде всего были ли «всенародная любовь» к Николаю II в период Первой мировой войны? Любая иллюстрированная «Нива» того времени или официальные «адреса» верноподданных переполнены славословиями в адрес царя и его семьи. Между тем в архивных фондах административных органов сохранились многочисленные дела «об оскорблении Священной Особы Государя Императора» и членов его семьи: до февраля 1917 г. это считалось государственным преступлением. На страницах этих дел полицейские чины, как и положено, дословно, в кавычках, цитировали то, что говорили подданные о своем царе. Читая цитаты, убеждаешься в том, что, во-первых, русский мат за столетие кардинально не менялся, а во-вторых, царя с семейством в России не любили. Замечу в скобках на эту же тему: моему поколению памятни пышные славословия в адрес «нашего дорогого и горячо любимого Леонида Ильича» со всех трибун – и презрительные анекдоты на всех кухнях. Забавно будет, если лет через сто найдутся историки, которые станут всерьез рассуждать о горячей всенародной любви к Л.И. Брежневу.

Оценка исторических деятелей и событий рядовыми современниками – тема вообще очень интересная. К сожалению, здесь всегда трудно найти необходимые свидетельства, ибо даже в самое необыкновенное время среди населения преобладает «молчаливое большинство»: не так часто в государственных архивах сохраняются дневники и письма обывателей. Нам удалось ввести в научный оборот дневник купчихи М.В. Мичуриной – молодой женщины недалекого ума и невысокой культуры, старавшейся подробно записывать происходившее в Нижнем Новгороде. Записи за июль и октябрь–декабрь 1917 г. пестрят слухами о революционных эксцессах: озлобленные и никому не подчиняющиеся солдаты куда-то врываются, ожидается поголовная резня и т. п., – и все это вперемешку с диким страхом автора за судьбу семьи, исступленными мольбами к Всевышнему о спасении. Однако при внимательном изучении и сопоставлении с другими документами выясняется, что слухи недостоверны: никто никуда не врвался и никого поголовно не резал, и, кстати, строительный подрядчик Е.М. Мичурин и его семья прожили вполне благополучную по советским меркам жизнь, не подвергаясь никаким репрессиям. В революционные месяцы 1917 г. в Нижнем Новгороде были не столько пресловутые эксцессы, сколько паника среди состоятельных горожан, а у страха, как известно, глаза велики. Рассеять туман слухов, преодолеть обывательский психоз и накопившуюся за десятилетия традицию восприятия – задача, которая под силу лишь честному профессионалу.

Одна из серьезных исследовательских проблем – роль российской буржуазии в экономике и обществе, в том числе в период 1914–1917 гг. Критические оценки сменились восторгами по поводу вклада военно-промышленных комитетов в подъем экономики и выполнение

оборонного заказа, так что в Нижнем Новгороде появился памятник купцу Д.В. Сироткину (городскому голове в этот период). «Арбитром» в данном вопросе должна стать официальная переписка должностных лиц, отвечавших за оборонный заказ: их объективность и непредвзятость оценок бесспорна. И вот оценка деятельности Д.В. Сироткина в донесении начальника Нижегородского губернского жандармского управления И.П. Мазурина директору Департамента полиции от 9 октября 1915 г.: «Как делец, искусно пользуясь текущим моментом, захватил и стал распоряжаться неограниченно всеми денежными средствами казны, отпускаемыми на нужды союза по Нижегородской губернии, причем более преследовал свои личные цели...»* В секретном донесении, не предназначенном для посторонних глаз, приведена масса конкретных примеров, подтверждаемых при сопоставлении с другими документами. Так надо ли удивляться тому, что кадровые военные вроде артиллерийского генерала А.А. Маниковского, убежденные государственники (и ни разу не марксисты), возненавидели отечественную буржуазию и в итоге оказались у красных? Удивляться можно скорее другому: почему при таких делах революция не произошла раньше...

* * *

Историки-архивисты – не только архивисты, но прежде всего историки. Поэтому в наших конференциях регулярно принимают участие видные ученые, и здесь порой рассматриваются проблемы исторического развития России, выходящие за рамки узкого документоведческого анализа. Примером может служить конференция 2014 г. в Чебоксарах, посвященная 100-летию начала Первой мировой войны. Именно там учеными-историками и архивистами совместно рассматривался вопрос о значении «Великой войны» для российской революции 1917 г.: играла ли Первая мировая решающую роль («Если бы не она, революции бы не было») либо война лишь обострила ранее существовавшие противоречия, усилив до предела противостояние сторон, с последующим кровопролитием.

Рассуждения на тему «Что было бы, если бы...» едва ли можно считать научными. Но в распоряжении историков – и архивистов в том числе! – есть метод сравнительно-исторического анализа: исторические процессы, реально происходившие в ряде стран со схожими условиями, позволяют делать выводы о том, что произошло бы в интересующей нас стране, пойдя она по аналогичному пути. Это почти как в математике: «дано», «доказать» и «доказательство».

Применительно к обозначенной проблеме роли Первой мировой войны в революционном процессе «дано»: страна, 1) по форме правления – самодержавная монархия с ярко выраженным абсолютизмом, пытающаяся непоследовательно и безуспешно двигаться к монархии конституционной, но каждый раз откатывающаяся назад, к возмущению значительной части общества; 2) в экономике – нерешенный аграрный вопрос; господствует помещичье землевладение; крестьяне требуют землю, но не получают ее; 3) растущий рабочий класс пытается получить социальные и политические права (охрана труда, профсоюзы, 8-часовой рабочий день), но безуспешно; 4) есть государственная («господствующая») религия; свобода совести законодательно ограни-

* «По обстоятельствам военного времени...», ч. 1, с. 337.

чена, и стремление к ней подавляется государством; 5) национальные окраины просят автономии, запрет которой ведет к постепенной радикализации требований. «Доказать»: способен ли привести весь перечисленный комплекс проблем к революции без Первой мировой войны? Да, способен, и «доказательство» тому неоднократно приводилось учеными-историками: это Испания – страна, для которой как раз и были характерны все перечисленные выше проблемы. Типологическую близость экономических, социальных, политических, национальных, культурных проблем России и Испании в начале XX в. трудно не заметить. Но Испания не участвовала в Первой мировой войне, сохраняя нейтралитет и получая благодаря этому известную прибыль. Однако самодержавие и здесь было свергнуто в 1923 г., с последующим провозглашением республики: накопившийся комплекс проблем привел к системному кризису, за которым последовали революционный взрыв и падение монархии.

В России, где указанные проблемы обострились значительно раньше, системный кризис самодержавной монархии привел к революционному взрыву уже в 1905–1907 гг. Революция была подавлена, но проблемы так и не были решены, что вновь привело к усилению революционного движения в 1912 – начале 1914 гг., причем волнения в Петербурге весной 1914 г. привели к сооружению баррикад. Первая мировая война отодвинула на некоторое время эти вопросы в 1914–1915 гг., но обусловила значительный рост недовольства режимом к осени 1915 г. и системный кризис летом–осенью 1916 г., что закономерно привело к революции и свержению самодержавия в феврале 1917 г.

В этой связи интересен и вопрос о так называемой «украденной победе». Для современной исторической публицистики характерны утверждения, что, оставаясь в 1918 г. среди воюющих государств Антанты и продолжая «войну до победного конца», Россия оказалась бы среди победителей и могла бы рассчитывать на известные геополитические и экономические дивиденды. Против такого упрощенного взгляда свидетельствует исторический опыт Италии. Это государство, воевавшее на стороне Антанты с мая 1915 г., понесло большие людские и территориальные потери, соотносимые (в процентном отношении) с Россией. Как известно, Италия продержалась до конца войны, никаких выгод от нее не получила и заслужила прозвище «побежденный в стане победителей». Но дело, разумеется, не только в исторических примерах. Выше было сказано об абсурдности версии о якобы утраченных Россией геополитических возможностях из-за «преждевременного выхода» из войны. Повторюсь: в случае «войны до победного конца» Россия, обескровленная до последней степени и утратившая остатки обороноспособности, получила бы от своих союзников по Антанте раздел своей территории. Документы официальные и неофициальные свидетельствуют о готовности Антанты к такому сценарию. Не следует забывать и то, что полномасштабная Гражданская война в России началась как раз после вмешательства Антанты (мятеж чехословацкого корпуса и последующая интервенция). Так что вместо «геополитических побед и приращений» нас ожидали бы многомиллионные напрасные жертвы, конгломерат «суверенных государств» и вековечное запустение там, где когда-то была Россия...

Не менее интересен вопрос о преодолении революции с помощью военной диктатуры – так называемой «сильной руки». В современной публицистике всерьез утверждается, что военная диктатура Корнилова

спасла бы Россию от Гражданской войны, а военная диктатура Колчака либо Деникина, Юденича – от жертв сталинизма, Второй мировой войны и т. п. При этом из «запасников истории» извлекаются и распишываются всеми радужными красками очередные претенденты на роль «спасителей Отечества»: Каледин, Краснов, Мамонтов, Дроздовский, Май-Маевский и так далее, вплоть до совершенно уже непотребных барона Унгерна, графа Келлера и Бермондт-Авалова. При этом нетрудно заметить типологическую близость между переписыванием истории в нынешних России и Украине.

История, как известно, не имеет сослагательного наклонения, но учет и анализ исторического опыта вполне уместен для размышления на тему о возможностях развития. И здесь перед нами пример стран, преодолевших революцию с помощью военной диктатуры: Германия и Финляндия (1918 г.), Венгрия (1919 г.), с некоторыми оговорками – Италия (1922 г.) и Болгария (1923 г.). Преступность установившихся там режимов хорошо известна, и не забудем, что в Италии и Германии «сильная рука» генералов сменилась фашистской (нацистской) диктатурой; Венгрия и Финляндия во Второй мировой войне оказались странами-агрессорами в составе гитлеровской коалиции; пособником Германии стала Болгария. В результате все это обернулось страшной бедой для человечества, и количество жертв превзошло все мыслимые и немыслимые размеры. Мало чем отличался испанский вариант, где военная диктатура Франко, возникшая в результате победы в гражданской войне 1936–1939 гг., закономерно стала союзницей гитлеровской Германии и оказывала ей военную помощь в 1941–1944 гг. Потери и для Испании оказались немалыми по отношению к численности населения, но путем военной диктатуры не удалось достичь кардинального улучшения в экономике, о гражданском примирении и говорить нечего, а единство Испании и по сей день под вопросом.

Если условно допустить возможность победы белогвардейцев (Колчака, Деникина, Юденича) в Гражданской войне в России, то перерастание военного режима в фашистскую (нацистскую) диктатуру выглядит почти неизбежным. На реальность такого варианта указывают не только примеры Германии и Италии, но и в первую очередь идеология сторонников самодержавия и многих участников белого движения*. Симпатии большинства уцелевших белых генералов к

* Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Поиск «масонского заговора» и кризис правой идеологии в предреволюционной России // Вопросы истории. 2017. № 9. С. 3–15. На с.14 авторы отмечают: «Стоит отметить наличие в тот период [то есть в предреволюционной России. – Б.П.] всех компонентов дискурса, присутствовавших позже в Германии времен прихода к власти национал-социалистов. Имея в виду германский трагический опыт, соответствующая перспектива при переходе от дискурса к реальной практике существовала и в России. В этом плане Российская революция 1917 года стала исторической альтернативой не только царскому режиму в его реальном состоянии, но и его потенциальной экстремальной версии, задаваемой вектором развития правой идеологии. Революционное насилие, безусловно, явилось трагедией для значительных групп населения. Но надо иметь в виду, что на другом фланге уже обосновывалось применение насилия по другим критериям, и оно, по-видимому, было бы не менее кровавым. Борьба с классовым врагом могла быть заменена борьбой с врагом этническим, выход которой на уровень геноцидной практики был фактически программируем. Россия оказалась в той исторической ситуации, когда любой из реальных сценариев оказывался сопряжен с насилием и трагедией человеческих судеб». Если оставить в стороне «компоненты дискурса» и прочую нарочитую заумь, вывод авторов очевиден.

германскому нацизму, активное сотрудничество атаманов Краснова и Шкуро с гитлеровцами свидетельствуют в пользу такого понимания перспектив. Установление фашистского режима в России привело бы к чудовищным потерям населения внутри страны, а свержение этого режима поставило бы под вопрос саму российскую государственность – если вспомнить исторический опыт раздела Германии странами-победительницами после Второй мировой войны. В этом смысле победа красных в Гражданской войне 1918–1922 гг. и установление советской власти, с последующим созданием СССР, похоже, спасли Россию от непредсказуемо тяжких последствий.

* * *

В итоге следует признать, что работа с документальными источниками по истории революционного процесса в России в нынешних условиях невероятно сложна и потому требует от историка-архивиста основательной профессиональной подготовки. Исследователю и публикатору архивных документов необходимо ориентироваться не только в специальных историко-филологических дисциплинах (археографии, палео- и неографии, текстологии, исторической географии), но и владеть навыками источниковедческого анализа, а также обладать фундаментальными знаниями, позволяющими сохранять ясные ориентиры в условиях, когда в исторической науке пытается утвердиться «лихая мода, наш тиран, недуг новейший россиян».

В этой связи большое беспокойство архивистов вызывает отчетливо обозначившийся кризис методологии и, как следствие, утрата профессионализма в научных исследованиях. Если по-честному, то архивистов методология исторических трудов интересует прежде всего с точки зрения установки на использование документальных источников в исследовательском процессе. Научная мысль в России к началу XX в. уже осознавала определяющее влияние социально-экономических факторов для объяснения событий политической истории. Здесь показательны лекции В.О. Ключевского, а также исследования его младшего современника С.Ф. Платонова по истории русской Смуты начала XVII в. Такой подход требовал широкого привлечения документальных источников экономического, социального, внутри- и внешнеполитического содержания и по большому счету не противоречил методологии исторического материализма, ставшей официальной в советской историографии. Продуктивность данной методологии наглядно продемонстрирована в классических трудах отечественных и зарубежных ученых, в том числе по истории начала XX в. (Б.А. Романов, Б.В. Ананьич, А.Я. Аврех, В.И. Старцев, а также Л. Февр, Э. Хобсбаум и др.). Неслучайно признанный специалист по истории средневековой России С.М. Каштанов, оценивая значение методологии для научных работ, признал, что за прошедшие годы «не удалось придумать ничего удачнее марксистской “пятичленки”» (имеется в виду теория общественно-экономических формаций, ключевая для методологии исторического материализма).

На этом фоне с точки зрения архивиста странно и нелепо выглядят многие новейшие публикации, в том числе по истории Первой мировой войны, в которых вместо изучения источников преобладают рассуждения «о народе-богоносце» и о «царе-страстотерпце» – либо подбор модных цитат Шпенглера, Тойнби и т. п., перемежающийся

глубокомысленным, но бессодержательным «дискурсом». Образцом для подражания порой объявляется... Д.И. Иловайский, сочинения которого воспринимались как нелепый анахронизм уже в начале XX в.! Все это чревато историческим нигилизмом, разрушением исторического самосознания общества, очередным витком переписывания родной истории на потеху всему миру и неизбежно обернется большой бедой для страны.

Для нас актуален завет выдающегося историка-архивиста В.П. Козлова, возглавлявшего архивную отрасль России в 1996–2009 гг.: «...Отвлеченные исторические споры должны послужить сигналом для государства, которое обязано поставить барьер интервенции невежества, коммерциализации и растерянности в освещении истории наших предков. Другие же, кто желают быть обманутыми, пусть будут обмануты». Применительно же к научным исследованиям событий 1917 г. в России первостепенная задача архивистов – принуждение к документальному изучению отечественной истории, потому что лишь на этом основании может быть дана объективная оценка Февральской и Октябрьской революций 1917 г. – «времени необыкновенному».